

МИФОЛОГИЗАЦИЯ КРОВИ У БАШКИР

ЗНАКОМЬТЕСЬ: член редколлегии журнала **Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна** (р. 01.01.1950, БАССР), лингвист, тюрколог. Д. филол. наук (1993), проф. (1994). Засл. деят. науки РФ (2008) и РБ (2003). В 1974 г. окончила филологический ф-т БГПУ, в 1980 г. — аспирантуру в Институте языкознания АН СССР с защитой кандидатской диссертации по теме «Консонантные сочетания башкирского языка типа «сонорный+глухой смычный» в историческом освещении» (БашГУ). В 1993 г. защитила докторскую по теме «Формирование ойконимической системы башкирского языка» (Москва, Институт языкознания РАН).

В 1985–1995 гг. в БГПУ: зав. кафедрой, декан, в 1995–1998 гг. — министр образования РБ, с 1998 г. в ИИЯЛ УНЦ РАН: зам. дир., с 2005 г. директор.

Автор более 200 научных трудов, в т.ч. более 20 монографий, словарей и учебников. Главный редактор «Академического словаря башкирского языка» в 10 томах, зам. гл. редактора «Истории башкирского народа» в 7 томах и 7 документальных приложений.

Подготовила 10 кандидатов наук.

Главные направления научных исследований: тюркское, в т.ч. башкирское языкознание, мифология.

Соч.: История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике. Уфа, 1989; Башкирская ойконимия XVI–XIX вв., Уфа, 1991; A tuznek mondom. Будапешт, 1997 (Говорю огню; в соавт.); Башкорт мифологияһы. Өфө, 2002 (Башкирская мифология); Географические названия Башкортостана. Уфа, 2006; Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010 (на баш., рус. яз.); Словарь башкирской мифологии. Уфа, 2011; Академический словарь башкирского языка. В 10 т. Т. 1–5, Уфа, 2011–2013 (на баш., рус., англ., турец. яз.) и др.

Награждена орденом Дружбы народов (2014).

INTRODUCING a member of the journal's editorial board **Firdaus G. Khisamitdinova**.

The main research area: Turkic linguistics, Bashkir linguistics, mythology including.

Scholarly works: History of the Bashkir Language: Materials on Historical Phonetics. Ufa, 1989 (In Russ.); Bashkir Placenames of the 16th–19th Centuries. Ufa, 1991 (In Russ.); I Tell the Fire. Budapest, 1997 (co-author, in Hungarian); Bashkir Mythology. Ufa, 2002 (In Bashkir); Geographical Names of Bashkortostan. Ufa, 2006 (In Russ.); Mythological Dictionary of the Bashkir Language. Moscow, 2010 (In Bashkir, Russ.); A Dictionary of Bashkir Mythology. Ufa, 2011; Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 Volumes. Vol. 1–5, Ufa, 2011–2013 (In Bashkir, Russ., English, Turkish), etc.

В статье на лингвистическом, фольклорном и этнографическом материале описываются мифологические представления башкир, связанные с кровью.

Доказывается, что кровь в мифологии башкир выступает: 1) как одушевленная субстанция (по фразеологизмам, пословицам и поговоркам башкирского языка), на примере других тюркских языков подчеркивается, что олицетворение крови носит общетюркский характер; 2) воплощением жизненной силы, самой жизни, вместилищем души (по сюжетам кубаира-эпоса «Урал батыр», текстам сказок «Алтын сабак» — «Золотая сорожка», «Акъял батыр» — «Акъял-батыр», «Камыр батыр» — «Камыр-батыр» и др., заговорам, связанным с лечебной и охранительной магией, легендам и преданиям); 3) как символ рода, родства и верности (по материалам кубаиров-эпосов «Күсәк бей» — «Кусяк-бий», «Бабсак бей менән Күсәк бей» — «Бабсак-бий и Кусяк-бий», «Урал батыр» и др., обычаев *карымта* — кровная месть, *ант эсеу* — досл. испытание клятвы и др.), подчеркивается, что этот ритуал имеет

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна, e-mail: rihll@anrb.ru

Firdaus G. Khisamitdinova, Prof. Dr.Sc. (Philology), Head of the Institute of History, Language and Literature, Ufa Science Centre, the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia)

довольно широкое распространение у многих народов (по Геродоту, который описал церемонию принесения клятвы с кровью у скифов).

На основе исследования делаются выводы о том, что все обряды, ритуалы, связанные с кровью, направлены на укрепление души, умножение жизненной силы, единение рода, защиты родственников и рода в целом.

Ключевые слова: мифология, мифологические представления, кровь, кровная месть, жизненная сила, символ рода, клятва, церемония принесения клятвы

Firdaus G. Khisamitdinova

BLOOD IN BASHKIR MYTHOLOGY

In the article on linguistic, folklore and ethnographic material the author describes the mythological conceptions of Bashkirs associated with blood.

Based on phraseological units, proverbs and sayings of the Bashkir language, it is proved, first, that blood in the Bashkir mythology behaves as animated substance. On the example of other Turkic languages it is emphasized that personification of blood is of common Turkic character.

Secondly, the author of the article proceeding from stories taken from the kubair-epic *Ural-Batyr*, the texts of fairy tales *Altyn Sabak*, *Akyal-Batyr*, *Kamyr-Batyr* and others, spells associated with curative and protective magic, legends, proves that blood in the mythology of Bashkirs is an embodiment of the life force, life, the home of the soul.

Thirdly, in the Bashkir mythology blood is a symbol of the clan, kinship and fidelity. This is evidenced by the materials of kubair-epics *Babsak-biy and Kusyak-Biy*, *Ural-Batyr* and other epic stories as well as by materials on the customs *karymta* (blood revenge), *ant eseu* (literally 'drinking an oath') and others. The article emphasizes that this ritual is quite common in many nations. As proof are cited parallels from Herodotus who described the Scythians' ceremony of giving an oath with blood.

The research conclusions are drawn about the fact that all the rites and rituals associated with blood are aimed at strengthening one's soul, multiplying the life force, unity of kin, protection of relations and one's clan as a whole.

Key words: mythology, mythological ideas, blood, blood feud, the life force, symbol of clan, oath, oath-taking ceremony

Мифологизация крови у башкир, как и у многих других народов, уходит в глубокую древность. Об этом в первую очередь свидетельствуют лексемы, фразеологические сочетания, пословицы и поговорки, в которых *кровь* (кан) выступает как одушевленная субстанция. Ср.: *кан йүгерәү* 'покраснеть (о лице)', досл. 'бег крови'; *кан касыу* 'побледнеть', досл. 'побег крови'; *кан киләү* 'кровоточить', досл. 'приход крови'; *кан калтырау* 'сильно бояться', досл. 'дрожание крови'; *кан тартыу* 'испытывание тяги (к кому, к чему)', досл. 'притягивание крови'; *кан теле* 'заговор крови', досл. 'язык крови'; *кан талашыу* 'мучиться, страдать, агонизовать', досл. 'борьба души перед смертью'; *кеше каны ебәрмәй* 'за преступлением следует наказание', досл. 'кровь убитого не отпускает';

туганды йән тартмаһа ла кан тарта 'родственника к родственнику хоть душа не тянет, да кровь тянет'¹ и т.д. Приведенные примеры говорят об олицетворении крови у башкир. Она может «ходить», «бегать», «убегать», «приходить», «уходить», «испытывать тягу», «горевать», «плакать», «трястись», «у крови даже есть язык». Олицетворение крови является, по-видимому, общетюркским явлением. Об этом свидетельствует языковой материал и по другим тюркским языкам. Ср.: тат. *кан кабару* 'сильно гневаться', досл. 'раздувание крови'; хак. *хан алысханы* 'смена крови' (через 7 поколений); кирг. *каны тартып келген* 'смерть его сюда привела', досл. 'кровь притянула'; древнетюрк. *qan tut* 'болеть от избытка крови', досл. 'хватание крови'² и др.

¹ Эти и все другие примеры приведены по «Академическому словарю башкирского языка» / под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. В 10 т. — Уфа, 2011–2013.

² Примеры по тюркским языкам и памятникам приведены по следующим словарям: Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хәйретдинова (авт.-сост.). — Казан, 2009; Киргиз

Вышеприведенный языковой материал содержит реликты древних мифологических представлений тюрков о крови как о жизни, душе, жизненной силе человека. Например, фразеологизм *кан тартыу* 'притяжение крови' свидетельствует о том, что в древности башкиры представляли кровь как нечто живое, способное притягивать кого-то к кому-то. А фразеологизм *кан касыу* 'побледнеть', судя по его синонимам *төс касыу*, *төс ташлау* 'побледнеть, измениться внешностью в худшую сторону', содержит реликты древних представлений башкир о тождестве понятий *кан* 'кровь' и *төс* 'сущность, вид, душа'.

Не менее информативными являются фразеологические сочетания *кан ебәреу* 'обычай резать скот, жертвенное животное при исполнении какого-либо обряда'; *кан сыгарыу* 'обычай резать скот в день похорон или на поминки кого-то'; *канга мансыу* 'обычай окропления, смазывания оружия молодого охотника кровью первого убитого им животного'; пословицы и поговорки: *Ата-бабам баккан ер — кендек каным аккан ер* 'моя родная земля', досл. 'Земля, которую лелеяли мои предки, — земля, куда упала кровь с моего пупка'; *Кеше каны ебәрмәй* или *Әзәм каны атлатмай*, досл. 'Человеческая кровь не пускает, кровь человека вызывает к отпущению'; *ак бата кызыл кан* 'древняя формула благословения при сговоре и помолвке молодых' и др. Кроме языкового материала, представления башкир о крови как воплощении жизни, вместилище души находят отражение и в произведениях устного народного творчества. Например, в башкирских народных сказках «Алтын сабак» («Золотая сорожка»), «Камыр батыр» («Камыр-батыр»), «Акъял батыр» («Акъял-батыр») и др. нашли отражение древние взгляды башкир о сакральной связи жизни, жизненной силы человека с кровью. В частности, когда жизни героя угрожает опасность или он умирает, из предмета, оставленного им своему брату или другу-побратиму, любимой девушке или родителям (курая, стрелы, ножа, плет-

ки), начинает капать кровь [1, с. 64, 73, 96]. Именно появление крови на том или ином предмете заставляет близких батыра отправляться на его поиски.

О связи крови с жизнью, жизненной силой, душой свидетельствуют отдельные сюжеты и строки из кубаира-эпоса «Урал батыр». Ср.:

*Әй, һез кандар — кан икән,
Атам койған кан икән;
Атам Урал тигәнгә,
Яу аскандар һез икән,
Батыр кулы тейгәнгә
Һыуынмаймы канығыз,
Шуга тынмаймы йәнегез?
Канығыз бысрак булғанга,
Козгон да эсмәй, ер йотмай,
Күнсеп ята канығыз,
Йонсоп ята йәнегез.*

*Әх ты, кровь, ты кровь! — говорил, —
Тебя отец, оказалось, пролил!
Когда отец мой сюда ступил,
Ты, выходит, с ним воевал.
Не потому ли ты не остывала,
Что рука батыра тебя проливала?
Еще оттого, что ты грязна,
Ворон не пьет, не вбирает земля,
Лоснясь, лежишь ты, гнилью дыша,
Мукой исходит твоя душа...*

[2, с. 164, 304].

Башкиры воспринимали кровотечение как уход жизни. Они пытались любой ценой остановить кровь. Для этого применяли заговоры (*кан теле*, *кан әпсене*), обряды. Ср.: *Канды туктатыу өсөн өс мартәбә үзенең әпсенен әйттеп, ауырыуга ак таш ыргыталар* 'Чтобы остановить кровотечение, три раза произносят ее (крови) заговор и бросают на больного белые камушки' [3, с. 101]. Камень, очевидно, нужен для того, чтобы кровь застыла, затвердела как камень. У башкир существует множество текстов заговоров. Ниже приводятся некоторые из них:

ско-русский словарь / К.К. Юдахин (авт.-сост.). — М., 1965; *Бутанаев В.Я.* Хакасско-русский историко-этнографический словарь. — Абакан, 1999; Древнетюркский словарь / В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак (авт.-сост.). — Л., 1968.

*Кызыл энә, кызыл еп,
 Кызыл йөйөн йөйләйем.
 Бакыр энә, бакыр еп,
 Бакыр йөйөн йөйләйем.
 Тимер энә, тимер еп,
 Тимер йөйөн йөйләйем.
 Алтын энә, алтын еп,
 Алтын йөйөн йөйләйем.
 Көмөш энә, көмөш еп,
 Көмөш йөйөн йөйләйем.
 Бакыр энә, бакыр еп,
 Бакыр йөйөн йөйләйем.
 Кызыл энә, кызыл еп,
 Кызыл кан йөйөн йөйләйем.*

*Красная иголка, красная нить,
 Делаю красный шов.
 Медная иголка, медная нить,
 Делаю медный шов.
 Железная иголка, железная нить,
 Делаю железный шов.
 Золотая иголка, золотая нить,
 Делаю золотой шов.
 Серебряная иголка, серебряная нить,
 Делаю серебряный шов.
 Медная иголка, медная нить,
 Делаю медный шов.
 Красная иголка, красная нить,
 Красному кровеносному сосуду делаю шов*
 [3, с. 101–102].

Судя по тексту заговора, для остановки кровотечения башкиры применяли действие, называемое «зашивание», суть которого сводится к остановке крови с помощью магического «зашивания» кровеносного сосуда. Интересно отметить, что мотивы «зашивания» встречаются в мифологии казанских и сибирских татар, а также у восточных славян [4, с. 305–306; 5, с. 263–264].

Кроме вышеназванных, в башкирской народной медицине зафиксировано еще несколько способов остановки кровотечения. Наиболее распространенным среди них, по видимому, является прикладывание к ране опаленного войлока. Данный способ остановки кровотечения зафиксирован у казахов, бурят, т.е. скотоводческих в прошлом народов. В его основе, очевидно, лежит магия «выпекания» крови».

Наряду с остановкой кровотечения в магической медицине башкир применялось и кровопускание. Ср.: *Талсыгыузы, баш ауыртыуын, быуындар Һыҙлауын йыш кына тәнгә күлпәп «яман кан» йыйылыу менән аңлаталар. Бындай ауырыуы «кан сыгарыу» юлы менән дауаларға тырышкандар. Бының өсөн бысаҡ осо менән ауырыуың кан тамырҙарына үтерлек итеп йырым яһағандар. Кайһы сакта һөлөктәрҙе лә «кан ебәрәү»ҙә фәйҙаланғандар. Бынан тыш кан бозолоуҙан әпсен әйтеп, таш ыргытып та имләгәндәр:*

*Аҡ таш ағарып ята,
 Күк таш күгәрәп ята,*

Кара таш кан тарата, — тип һамаҡлап, ауырыу өстөнә, сират буйынса, аҡ, күк, кара таштар һибеп имләгәндәр 'Упадок сил, быстрюю утомляемость, головную боль, боль в суставах нередко объясняли накоплением в организме «плохой» крови. При таких болезнях больному «пускали» кровь. Для этого на кровеносном сосуде острым ножом делали надрез. Иногда для пускания крови использовали и пиявки. Кроме этого, от испорченной крови применяли специальный заговор с бросанием мелких разноцветных камушков. На больного кидали по одному мелкие камушки белого, синего, черного цвета. При этом произносили заговор:

*Лежит белый камень белеет,
 Лежит синий камень синееет,
 Черный камень разгоняет кровь'* [6, с. 314].

Приведенный выше материал свидетельствует о том, что в башкирской мифологии различались «хорошая кровь» (*якшы кан*) и «дурная кровь» (*яман кан*). Считая, что «дурная кровь» является результатом происков нечистых сил и поэтому она опасна для жизненной силы, души человека, башкиры пытались от него избавиться различными способами.

Представления башкир о крови как воплощении жизненной силы нашли отражение в обычае употребления крови животных первыми людьми — Янбирде и Янбике — в эпосе «Урал батыр» для пополнения жиз-

ненной силы и получения силы, энергии убитого животного.

Представления башкир о крови как воплощении жизни, души находят отражение в легендах и преданиях о произрастании цветов, деревьев из крови убитых персонажей. Например, в легенде «Кукушка и кукушкины цветы» вот как повествуется об этом: «В очень давние времена на южных склонах Уралтау обитало башкирское племя. Часто нападали на него соседние племена. Напали и тогда. А у башкир того племени был батыр по имени Кэкук. Собрал он своих храбрых егетов и выступил против врагов. Уходя сражаться, он сказал своей возлюбленной Карагаш, которую любил еще с детства:

— Если останусь лежать в поле, то из крови моей вырастут красные цветы. Они будут напоминать тебе о моей любви...» [7, с. 96–97].

А в кубаире-эпосе «Кузыйкүрпәс менән Маянһылыу» («Кузыйкүрпес и Маянхылыу») из крови убитых влюбленных произрастает два дерева (в одном из его вариантов — две яблони) [8, с. 140, 150].

Данный мотив распространен не только у башкир, он зафиксирован в мифологии ряда народов мира [9, с. 368–371].

В мифологии башкир кровь является символом рода и родства. Об этом, во-первых, свидетельствуют языковые данные. Ср.: *кан кәрзәш* 'кровный родственник', *кан бәйләү* 'завязывать родство', *кан катышыу* 'породниться', *кан тартыу* 'зов крови', *үз каным* 'мой родственник, мое дитя', досл. 'моя кровь', *кан беркетәү* 'породниться', *кандаш* 'родственник, кровинка', *кан дошман* 'кровник, кровный враг', *кан туган* 'кровный родственник', *канбаба* 'почтенный старец рода, занимающийся инициацией юношей рода'; также пословицы и поговорки башкир. Ср.: *Туганды йән тартмаһа ла кан тарта* 'Родственника к родственнику хоть душа не тянет, да кровь тянет'; *Кан кәрзәште мал кәрзәше айырган* 'Родственников по крови родня по богатству разделила' и др.

Кровь как символ рода, родства находит отражение и в кубаирах-эпосах башкир. Например, в эпосе «Урал батыр» лебеди-сестры по зову крови уносят пойманного древними охотниками лебедя Хумай в свою стра-

ну. Ср.: *Былар ашарға ултырғас, кош һау канатын һелеккән, — өс қауырһыны төшкән. Шуларҙы һынған канатынан сыжкан канға буяп, ергә ташлаган икән, — өс аккош килеп, кыззы күтәрәп алып киткән* 'Когда все принялись за еду, птица взмахнула здоровым крылом и выпали из него три пера; когда она смочила их кровью из сломанного крыла и бросила на землю, явились три лебедя и унесли ее с собой' [2, с. 78, 215].

О крови, как символе рода и родства, свидетельствуют и некоторые обычаи и обряды башкир, например, обычай *карымта* 'кровная месть' у средневековых башкир.

По представлениям башкир, кровь убитого родственника требовала отмщения, поэтому обычай *карымта* занимал важное место в жизни башкир, его исполняли дети, братья и другие родственники. Например, в эпосах «Күсәк бей» («Кусяк-бий») и «Бабсак бей менән Күсәк бей» («Бабсак-бий и Кусяк-бий») исполнителем кровной мести стал сын убитого когда-то кыпчакского батыра Бабсак — двенадцатилетний Кусяк. Он перебил не только все потомство бурзянского бия Каракулумбета, но и всех бурзянцев, оставив в живых лишь одного сироту, от которого вновь возродился род бурзянских башкир [10, с. 304–310, 345–348, 319–344].

Кровная месть считалась священным долгом каждого члена рода. Она гарантировала существование рода, поэтому одобрялась соплеменниками, предводителями и аксакалами. Башкиры верили, что душа неотмщенного человека превращается в призрак (*өрәк*), плачет и просит отмщения. Кровь его не засыхает, не принимается землей, превращается в черную кровь. Судя по фразеологизму *канды йыуу* 'отомстить', черная кровь очищалась и принималась землей только после отмщения кем-то из родственников.

Кровное родство у башкир имеет сакральный характер, поэтому кровосмешение до седьмого поколения считается греховным. Каждый башкир по обычаю должен иметь свою родословную и знать предков до седьмого поколения.

С представлением башкир о крови как символе рода, родства связаны толкования снов. Например, если во сне увидишь, как тебя укусила собака, выпал зуб, пошла из

носа, горла кровь, это толкуется к болезни или смерти кого-либо из близких.

Как и у многих народов, у башкир практиковалось питье крови в обычаях и ритуалах принесения клятвы (*ант*). В эпосах клятву верности, искренности давали друг другу два богатыря после единоборства. Обычно после долгой борьбы один из батыров предлагал побратимство. Второй, видя достойного и сильного батыра, принимал предложение. Они давали друг другу клятву верности и дружбы на вечные времена. Обряд завершали испитием клятвенной крови (*ант эсеу*). По-видимому, в сказке «Акъял батыр» такими батырами-побратимами являются Акъял-батыр и Тау-батыр. Не случайно Акъял-батыр, прощаясь с Тау-батыром, дарит ему курай со словами: «Тау-батыр, каждое утро перед выходом из дома подувай в этот курай. Если закапает кровь, знай: я болен или мертв, если нет – значит все в порядке» [11, с. 96]. Интересно отметить, что обычаи, связанные с употреблением крови, были зафиксированы у башкир исследователем XIX в. П.С. Назаровым [12, с. 164–192]. Кроме батыров, клятву верности, искренности с испитием или слизыванием крови давали друг другу влюбленные, закадычные подруги и друзья. Клятва на верность была еще жива в 60-х гг. прошлого столетия: судя по дневниковым записям выпускниц Белорецкого педучилища, среди девушек жил обычай, называемый *эхирэт яһау/эхирэт итеу/эхирэт эшләу*, досл. 'обычай делания, приобретения подруги', т.е. клятвенной подруги на вечные времена, суть которой сводилась к тому, что две девушки клялись в вечной дружбе (в обоих мирах), слизывали кровь друг у друга, дарили платочки или ленты, делали памятные записи (песни, стихи, посвящения, мунажаты и др.) друг другу в дневник. С этого времени они называли друг друга *эхирэт*, т.е. клятвенная подруга в обоих мирах. Клятву верности, данную подруге, боялись нарушить всю жизнь. Как они говорят: «*Кан эскән антибыззы бозманык, коһоронан курктык*» 'Скрепленную кровью клятву не нарушили, боялись возмездия нарушенной клятвы' [13].

Обычаи башкир принесения клятвы с употреблением крови имеют параллели в

описанной Геродотом церемонии принесения клятвы у скифов. Ср.: «Все договоры о дружбе, освященные клятвой, у скифов совершаются так. В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез ножом). Затем в чашку погружают меч, стрелы, секиру и копье. После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из этой чаши» [14, с. 52]. Опущенное оружие, по-видимому, выступало гарантом клятвы. Не случайно башкиры говорят о наказаниях свыше за нарушение клятвы. Ср.: *Бозолған анттың коһорон күрәң* 'За клятвopреступление будешь наказан'; *Ант итмә, антың башыңа етер* 'Не клянись, иначе клятва твоя тебя сгубит'; *Үс алмаһам дошмандан, антым етһен башыма* 'Если не отомщу врагу, пусть моя клятва сгубит меня'.

Особую семантику имеет кровь жертвенных животных, которая выступает заместителем человека. Поэтому башкиры проводили кровавые жертвоприношения не только в праздник Курбан-байрам, но и в другое время. Такие жертвы (*корбан*) обычно посвящали здоровью, избавлению от каких-то несчастий того или иного члена семьи. О том, что кровь воспринималась башкирами как заместитель человека, свидетельствует также обычай нанесения жертвенной крови на лоб того, кому посвящалось жертвоприношение. Во время праздничного жертвоприношения в Курбан-байрам кровь наносили на лоб всем членам семьи. Верили, что эта кровь обеспечит здоровье им, защитит их от несчастий и сглаза.

Особое отношение отмечается у башкир к закапыванию крови жертвенного животного. Обычно они закапывают ее в укромном месте, сверху придавливают железным предметом. Существовали запреты, связанные с такими местами. Ср.: *Корбан канын сокор казып күмәм. Ул ергә ултырырға, ярау итергә ярамай* 'Я кровь жертвенного животного закапываю в яму. На этом месте нельзя ходить, сидеть, справлять нужду'. От места, где закопана кровь, башкиры отгоняют даже скот и домашнюю птицу.

Подводя итоги, можно констатировать, что кровь в мифологии башкир выступает воплощением жизни, жизненной силы,местилищем души, символом рода, родства. Поэтому все обряды и ритуалы, связанные с кровью, направлены на укрепление души, умножение жизненной силы, единение рода, защиты родственников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкорт халык ижады. 18 томда. Экиэттәр. Өсөнсө китап. — Өфө, 1978.
2. Надршина Ф.А. Урал батыр. Башкорт халык кобайыры. = Урал-батыр. Башкирский народный эпос. = Ural-batur. Bashkort Folk Epic. — Уфа, 2005.
3. Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. В 3 кн. Кн. 2. — Уфа, 2012.
4. Татар мифлары: ияләр, ышанулар, ырымнар, фаллар, им-томнар, сынамышлар, йолалар. В 2 кн. Кн. 1. — Казан, 1996.
5. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. А—Я. — М., 2002.
6. Лечебная и охранительная магия башкир. Тексты / авт.-сост. Ф.Г. Хисамитдинова. — Уфа, 2009.
7. Башкирское народное творчество. Предания и легенды. Т. 2. — Уфа, 1987.
8. Башкорт халык ижады. Эпос. Икенсе китап. — Өфө, 1973.
9. Мифы народов мира. В 2 кн. Кн. 2. — М., 1997.
10. Башкорт халык ижады. Эпос. 4-се т. — Өфө, 1999.
11. Башкирское народное творчество. Богатырские сказки. Т. 3. — Уфа, 1988.
12. Назаров П.С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. — 1890. — № 1. — С. 164—192.
13. Полевые материалы автора 2013 г. из Учалинского, Абзелюловского р-в Башкортостана (на баш. яз.).
14. Геродот. Страна Скифов. — Алматы, 2003.

REFERENCES

1. *Bashkirskoe narodnoe tvorcestvo* [Bashkir Folk Creative Work. In 18 Vol. Tales. Vol. 3]. Ufa, 1978 (In Bashkir).
2. Nadrshina F.A. *Ural-batur. Bashkort Folk Epic*. Ufa, 2005 (In Bashkir, Russ., English).
3. Khisamitdinova F.G. *Slovar' bashkirskoi mifologii. V 3 kn. Kn. 2* [A Dictionary of Bashkir Mythology. In 3 Vol. Vol. 2]. Ufa, 2012 (In Russ.).
4. *Tatarskie mify: khoziaeva, pover'a, primety, zagovory, obychai, obriady. V 2 kn. Kn. 1* [Tatar Myths: Ghosts, Beliefs, Fortune-telling, Spells, Tokens, Rites. In 2 Vol. Vol. 1]. Kazan, 1996 (In Tatar).
5. *Slavianskaia mifologiia. Entsiklopedicheskii slovar'. A—Ja* [Slavic Mythology. Encyclopaedic Dictionary. A—Ja]. Moscow, 2002 (In Russ.).
6. *Lechebnaia i okhranitel'naia magiia bashkir. Teksty* [Curative and Protective Magic of Bashkirs. Texts]. Comp. by F. Khisamitdinova. Ufa, 2009 (In Russ.).
7. *Bashkirskoe narodnoe tvorcestvo. Predaniia i legendy. T. 2* [Bashkir Folk Creative Work. Stories and Legends. Vol. 2]. Ufa, 1987 (In Russ.).
8. *Bashkirskoe narodnoe tvorcestvo. Epos. Kn. 2* [Bashkir Folk Creative Work. Epic Literature. Vol. 2]. Ufa, 1973 (In Bashkir).
9. *Mify narodov mira. V 2 kn. Kn. 2* [Myths of the Peoples of the World. In 2 Vol. Vol. 2]. Moscow, 1997 (In Russ.).
10. *Bashkirskoe narodnoe tvorcestvo. Epos. T. 4* [Bashkir Folk Creative Work. Epic Literature. Vol. 4]. Ufa, 1999 (In Bashkir).
11. *Bashkirskoe narodnoe tvorcestvo. Bogatyrskie skazki. T. 3* [Bashkir Folk Creative Work. Heroic Tales. Vol. 3]. Ufa, 1988 (In Russ.).
12. Nazarov P.S. K etnografii bashkir [To the Ethnography of Bashkirs]. *Etnograficheskoe obozrenie — Ethnographic Review*, 1890, no. 1, pp. 164—192 (In Russ.).
13. *Polevyie materialy avtora 2013 goda iz Uchalinskogo, Abzelilovskogo raionov Bashkortostana* [Field Notes of the Author Taken in 2013 from Uchalinsky and Abzelilovsky Districts of Bashkortostan] (In Bashkir).
14. Herodotus. *Starana Skifov* [The Scythians' Land]. Almaty, 2003 (In Russ.).